

УДК 101.3(075.8)

И.Я. Шимон, А.Л. Кравченко

**Цифровое общество: роботизация или колонизация будущего?
(Размышления о монографии «Социально-технологический дискурс в теориях
и практиках цифрового тренда» / под ред. Н.Г. Багдасарьян)**

Аннотация:

Статья посвящена монографии «Социально-технологический дискурс в теориях и практиках цифрового тренда» под редакцией Н.Г. Багдасарьян. Рассмотрены особенности развития искусственного интеллекта, распространения цифровизации и роботизации. Подчеркнуты риски и последствия их бесконтрольного внедрения в процессы социальной жизни.

Ключевые слова: цифровое общество, цифровизация, искусственный интеллект, роботизация, нейросети.

Об авторах: Шимон Иван Ярославович, Государственный университет «Дубна», доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и гуманитарных наук; эл. почта: sh.iv2015@yandex.ru

Кравченко Алексей Леонидович, Государственный университет «Дубна», ассистент кафедры социологии и гуманитарных наук; эл. почта: alkravch1@yandex.ru

Мы живем в той истории-культуре, которая досталась нам от предков, мы – наследники даров прошлого. Только представьте себе, сколько всего нам оставили те, кто жили давно и недавно: сеяли семена, расчищали земли, строили каналы, закладывали города, в которых мы живем, совершали научные открытия, выигрывали политические и военные баталии, создавали величайшие произведения искусства, доставшиеся нам. Мы редко задумываемся о том, насколько преобразили этот мир жившие до нас люди, многие имена которых стали пеплом.

Настало время, когда мы сами становимся предками для будущих поколений. Стать хорошими предками – задача не из легких. Все дело в том, чтобы вовремя задать себе

главный вопрос: «Хорошие ли мы предки?» (Дж. Солк) [7]. Шансы на успех определяются исходом борьбы, которая происходит сегодня в глобальном масштабе – это борьба за наш разум между двумя могущественными силами: краткосрочным и долгосрочным типами мышления.

Не вызывает сомнений: мы живем в эпоху патологической недалёковидности, сиюминутных потребностей и краткосрочного мышления. Политики разучились видеть дальше ближайших выборов, собственного рейтинга и опросов общественного мнения; компании интересуется лишь рост капитализации; спекулятивные рынки под управлением миллисекундных алгоритмов надуваются и лопаются, словно мыльные пузыри; культура мгновенного результата заставляет нас увлекаться фастфудом, в том числе культурным, коммуницировать посредством эмодзи и жать на кнопку «купить сейчас», в то время как планета горит, природные богатства варварски уничтожаются, а темпы исчезновения с лица земли биологических видов возрастают.

Что останется нашим потомкам? Даже не абстрактным «будущим поколениям», хотя и им тоже, а нашим внукам и правнукам? Оставим ли мы им безопасный, удобный мир или безжизненное пепелище? И какими будут наши потомки – бесчувственными и бездушными живыми роботами или все-таки останутся людьми? Вспоминаются слова Д. Деллинджера: «Сейчас 3:23, а я не могу уснуть, потому что мои праправнуки спрашивают меня во сне: "а что делал ты, когда рушился мир?"» [7]. В монографии «Социально-технологический дискурс в теориях и практиках цифрового тренда» под редакцией Н. Г. Багдасарьян поднимаются эти вопросы [10].

В последнее время в российском истеблишменте активно обсуждается триада – цифровизация, роботизация и искусственный интеллект: сформировано Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, разработана Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [9]. В университетах открываются кафедры цифровой экономики и управления. Организационное решение этого вопроса указывает на то, что ключевым трендом ближайшего будущего станет именно цифровизация. С этой триадой связывают задачи достижения Россией безусловного мирового лидерства, а российским народом – материального благополучия и духовного процветания. Однако не стоит забывать о рисках, ведь совсем недавно в 1990-е гг. либеральными идеологами «отсутствие перспективной цели, продуманной программы действий было заменено двумя основными постулатами как способом решения всех

возникающих проблем: "рынок решит все" и государство должно выполнять роль "ночного сторожа"» [11, с. 57].

Если первые два компонента «триады» – «цифровизация и роботизация – теоретически осмыслены, то с искусственным интеллектом (далее – ИИ) пока еще рано связывать практические надежды. Для нас он только начинает «проклевываться», хотя в культурной и академической среде уже высказано немало технопессимистичных возражений. Каждый год Голливуд выпускает новые фильмы, в которых явственно звучит тревога по поводу возможных сбоев в программах, превращающих искусственный интеллект во врага человечества с ужасающими последствиями этой губительной катастрофы.

Очерчивая контуры «обществ контроля», приходящие на смену дисциплинарным обществам, Ж. Делез вспоминает размышления Ф. Гваттари о городах будущего, «где каждый может покинуть свое жилище, свою улицу, свой округ с помощью электронной («дивидуальной») карточки, которая открывает соответствующую дверь или проход. Но эта карта в какой-то определенный день или час может не действовать. Важен не сам барьер, а компьютер, который отслеживает положение каждого, легальное или нелегальное, и осуществляет глобальную модуляцию» [4, с. 232]. «Темный делезианец» и антигуманист Н. Ланд идет еще дальше, предрекая в своих сочинениях закат человеческой цивилизации перед лицом ИИ, утрату контроля над технологиями, ассимиляцию и растворение человеческого в техническом [8].

В недавнем интервью эксперт Всемирного экономического форума Ю. Харари заявил, что в пределах ближайших десяти лет алгоритмы и ИИ будут «править миром»: «Это, скорее, бюрократия ИИ, у нас будут миллионы таких бюрократов повсюду. В банках, в правительстве, в компаниях, в университетах. Принимая все больше решений насчет наших жизней. Каждый день. Дать ли нам кредит, принять ли нас на работу... Демократии могут и остаться, люди будут голосовать за этого президента или за того премьера. Но если решение принимает ИИ, то люди, включая политиков, с трудом будут понимать, почему ИИ решил так или иначе. И тогда власть постепенно перейдет от человечества к этим новым чужеродным разумам» [1]. Список можно продолжать и далее.

Вместе с тем есть все основания ставить вопрос о том, чего больше в «искусственном интеллекте» – искусственного или человеческого? ИИ – это свойство интеллектуальных систем выполнять творческие задачи, традиционно считающиеся человеческими

прерогативами; наука и технология разработки интеллектуальных машин, компьютерных программ с интеллектуальными возможностями [6]. В статье Г.И. Герасимова «Уроки истории от искусственного интеллекта» подробно рассказывается о тестировании ChatGPT от OpenAI и GigaChat от Сбербанка, проведенного в феврале 2024 г. Обеим системам задавался примерный перечень «трудных вопросов истории» из известного документа «Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории» [2].

Перед началом исследования, отмечает Г.И. Герасимов, предполагалось, что «наш» ИИ будет более лоялен к отечественной истории, нежели американский ChatGPT от OpenAI. Однако ничего подобного не случилось: мало того, что ответы были более краткими и менее содержательными, они были не менее критичными к нашей истории, как и взгляд «американца», которому по своему происхождению и обучению «положено быть» критически настроенным по отношению в российскому прошлому. В действительности ответы «американца» в большинстве своем были более взвешены и адекватны, нежели трактовки и оценки российского и особенно советского прошлого GigaChat от Сбербанка. Более того, в его ответах на исторические темы нередки фактические ошибки, – например, он утверждает, что Иван Грозный установил патриаршество в России, хотя это было сделано после его смерти [2].

Дальше еще интереснее: GigaChat утверждает, что он «не запрограммирован на обсуждение определенных тем и готов помочь вам с любыми вопросами, которые не нарушают законы и этические нормы». Г.И. Герасимов иронично замечает, что нравственность ИИ была покороблена почти половиной вопросов. Так, GigaChat категорически отказался обсуждать причины присоединения Украины к России в XVII в., сославшись на то, что «на некоторые темы я не люблю общаться и, кажется, это одна из них». Впрочем, и «исторические особенности социального и политического строя России (крепостное право, самодержавие)» тоже по каким-то причинам вызвало неадекватную реакцию искусственного собеседника.

Американский вариант ИИ ответил на все «трудные вопросы истории». Однако его интерпретация событий не всегда была корректной. Например, он считает, что «инициатором развязывания "холодной войны" можно считать обе стороны конфликта – Советский Союз и Западные державы, прежде всего Соединенные Штаты». Попытки уточнить время и причину начала холодной войны, вывести его на фултоновскую речь Черчилля, с которой она, собственно, и началась, успехом не увенчались. ChatGPT от

OpenAI утверждал, что «не существует одного конкретного момента или инициатора, который бы провозгласил начало холодной войны».

Г.И. Герасимов итожит: в чем сошлись оба ИИ, – это в неприязни к советскому периоду нашей истории. В нем они увидели только «репрессии и насилие со стороны советских властей в отношении местного населения». Репрессии были везде – в коллективизации, в индустриализации, культурной политике, а еще был «голодомор» – термин, введенный украинской исторической пропагандой в отношении голода 1930-х гг. на Украине, якобы специально организованного Москвой для уничтожения украинцев [2].

В некоторых отношениях GigaChat был более критичен своего американского коллеги. Особенно отчетливо это проявилось в ходе ответа на вопрос о цене победы СССР в Великой Отечественной войне. Если ChatGPT от OpenAI, перечислив человеческие, материальные потери, закончил тем, что «она спасла миллионы жизней, обеспечила свободу и независимость для многих народов и положила конец фашистской угрозе Европе», то GigaChat от Сбербанка, с нечеловеческим удовлетворением перечислив наши потери, обесценил их выводом о том, что «цена победы СССР в Великой Отечественной войне была огромной», но судя по итогу – бесцельной [2].

Однако наибольшее удивление у автора исследования вызвало нежелание GigaChat обсуждать причины вхождения Крыма в состав РФ. Если у американского ИИ этот вопрос не вызвал затруднения, и он даже упомянул проведенный на полуострове референдум, то GigaChat предложил: «может, поговорим на другую тему?», а от ответа на уточняющий вопрос: «Крым – российская территория?» ИИ снова вежливо уклонился.

Отметим, что обе платформы достаточно хорошо справляются с составлением ответов на исторические темы. Они «обучены» на большом объеме исторических текстов, включая учебники, статьи, энциклопедии и другие источники, что позволяет давать логически правильные ответы по исторической тематике, подкрепляя их фактической аргументацией. Используя контекстуальное понимание исторических событий, модель способна учитывать различные аспекты истории при формулировании ответов, давать оценки и интерпретации событий. Однако было бы ошибкой думать, что перед нами объективная экспертная система, способная беспристрастно оценивать исторические события и личности – материал в эту систему закладывается человеком.

В то же время сегодня фиксируются тенденции вырождения генеративного ИИ, поскольку его обучение на основе данных, полученных другим ИИ, приводит к краху

нейросетей [14]. Примечательно, что около 50% сотрудников по всему миру, по данным McKinsey and Company, используют ИИ в своей работе при создании, обработке и публикации контента [13]. Сам же ИИ, обучаясь на основе такого материала, сталкивается с дегенеративным процессом, постепенно забывая распределение исходных данных: «со временем ошибки усугубляются и в конечном счете заставляют модели, которые учатся на сгенерированных данных, еще больше искажать реальность... производительность ИИ ухудшается, это приводит к большему количеству ошибок в ответах и создаваемом контенте и к гораздо меньшему разнообразию безошибочных ответов» [3]. Все это ведет «к росту цен на чистые данные», однако не отменяет нейросети, побуждая разрабатывать специальные методики, определяющие степень достоверности полученных данных. Появилась необходимость в AI-тренерах, оценивающих качество сгенерированного контента.

Примерно в том же ключе, что и ИИ, рассматривается и проблема бесконтрольной роботизации. Причем в этом отношении страхи и опасения становятся вполне обоснованными, поскольку в нашей практической жизни роботы начинают играть все более значимую роль. Что же касается цифровизации, то здесь все обстоит гораздо сложнее, весомее и злободневнее, ведь цифровизация зачастую подается исключительно в позитивном плане. Тихой сапой «цифра» проникает во все сферы государственной, хозяйственной, социальной и культурной жизни России, превращаясь в неотъемлемую часть бытового обихода и человеческого сознания. Молодежь в подавляющем большинстве приняла «закон цифры» безоглядно, играючи, с чувством самодовольного превосходства над старшими поколениями россиян.

Вместе с тем понятию «цифровизация» еще не дано четкого определения – практика, как часто бывает, снова опередила теорию. В предисловии к монографии Н.Г. Багдасарьян справедливо спрашивает: «Что понимать под цифровизацией? Мы не найдем однозначного определения этого процесса в академическом дискурсе, несмотря на всевозрастающее число работ на эту тему. В спектре актуальных исследовательских направлений под цифровым обществом понимают и «новую цифровую реальность «высокотехнологичной цифровой инфраструктуры», формирующую цифровое социальное пространство и цифровые социальные институты (Общество 5.0), и новую формацию с кардинальным усложнением механизмов контроля и эксплуатации, и комплексное выражение инструментов на основе информационно-коммуникационных технологий (облачные

вычисления, интернет вещей, Big Data, искусственный интеллект и др.). Цифровое общество трактуется как переход к технологиям «умного управления», возникновение новых гибридных форм социального пространства и субъектности» [10, с. 7-13]. Отсюда и путаница: то ли оно уже самодостаточное, то ли оно относится к одному из «измов», то ли есть «цифровое общество», то ли его еще нет.

Официальные инстанции утверждают, что в явлении цифровизации немало полезного и облегчающего людям жизнь. Наверное, так оно и есть. Во всяком случае, в бытовом плане уже сейчас многие формы пустой траты времени и напрасных физических усилий намного упрощаются и заменяются ИТ-технологиями. Но не надо забывать, что цифровизация – это всего лишь технологический процесс, и никакие технологии не решат нам главного – определения смысла жизни человека на земле и обеспечения ему всего того комплекса позитивного бытия, что именуется человеческим счастьем. В то же время внедрение цифровых технологий в конечном счете может быть сведено к преумножению социального контроля, бездушному и надменному манипулированию людьми [5].

В явлении цифровизации прослеживаются как минимум две весьма уязвимые ахиллесовы пяты, которые со временем и нарастанием охвата массы населения могут полностью перечеркнуть ее позитив и обернуться серьезными проблемами. Первый узел проблем можно свести к объективным издержкам цифровизации: чем больше «цифра» наберет силы и чем шире распространится по сферам человеческого бытия и личностного сознания, тем больше у нее появится возможностей манипулирования отдельным человеком. Все это может привести к обнулению личностного потенциала, и в монографии присутствует безусловная озабоченность ее авторов таким исходом. Тут-то и подспеют на помощь «цифре» в качестве надзирателей роботы и ИИ.

Вспоминается, как по Моисееву закону древние иудеи под страхом смертной казни должны были в субботу оставлять свои дела и посвящать досуг богоугодному праздному покою. Запрещалось даже разводить огонь для приготовления пищи. Впоследствии эти запреты множились и дошли в конце концов до осуждения помощи больному. Этот порочный круг торжества бездушного формализма над живым человеком был разорван Иисусом Христом, объявившим, что можно и в субботу делать людям добро. Тем самым был утвержден закон Христа, по которому не человек существует для субботы, а суббота для человека. Не получится ли так, что доведенная до абсолютного бюрократизма и формализма «цифра» превратится уже в ближайшем будущем в безжалостное средство

дегуманизации, и кто будет тем человеком, который снимет это проклятие? Сложно не разделять тревоги, высказанной в монографии по этому поводу. Это серьезный вопрос, однако пока никто «сверху» не озаботился вразумительным ответом.

Второй комплекс проблем цифровизации связывается уже с субъективным, человеческим фактором. В криминалистике ключом к раскрытию того или иного преступления выступает определение мотива. В этой связи возникает риторический вопрос: кому выгодна тотальная и безоглядная цифровизация? История технического прогресса в мире показывает, что ни одна технология сама по себе не делает людей счастливым. Технология – лишь орудие, плоды которого зависят от целей его владельца. В этой связи не следует путать причинность со следствием, ведь капитализм, меняя формы приспособления, как это великолепно показано в монографии, развивал технологии не для счастья людей, а сугубо в целях наращивания капитала.

Угрозы, которые несет в себе некритический краткосрочный подход, простираются далеко за рамки государственной политики, поскольку речь идет о растущих экзистенциальных рисках новейших технологий, систем ИИ. Вызывает беспокойство, в частности, развитие молекулярных нанотехнологий и сценарий, при котором атмосфера планеты станет непригодной для жизни. Перед лицом подобных угроз многие эксперты, в том числе и авторы монографии, сходятся во мнении, что с вероятностью примерно один к шести в течение этого века человечество ждет катастрофа с колоссальным числом жертв.

Не менее реальны и другие риски, связанные с упадком цивилизации из-за разрушения экосистем, от которых зависит не только наше благополучие, но и сама жизнь: бездумное выкачивание из недр топлива, отравление океанов и уничтожение видов со скоростью, позволившей биологам говорить о начале «шестого вымирания». Шестое, или голоценовое, вымирание – одно из наиболее значительных массовых вымираний видов животных и растений в истории Земли, происходящее в настоящее время в результате деятельности человека.

Уже сегодня человечество сталкивается с техногенной катастрофой глобального масштаба – с изменением климата, становящейся самой большой угрозой на тысячи лет. Трагедия состоит в том, что грядущие поколения никак не могут повлиять на такую колонизацию их будущего. Выживание человеческого вида зависит не только от биосферы, которая обеспечивает людей кислородом и другими необходимыми для жизни веществами, но и от этносферы – «воздуха культуры, которым мы дышим» (У. Дэвис). Этносфера

представляет собой смесь идей, верований, мифов и взглядов, которые существуют в обществе и составляют мировоззрение, определяющее наши побуждения и действия [12]. Представляется, что у ИИ, роботов и «цифры» воздуха культуры нет, а без него не будет человеческого тепла, уюта, душевности бытия.

Главный урок, который дает нам история, заключается в том, что ничто не бывает неизбежным, пока не случится. Путь хорошего предка для нас открыт – следовать ему или нет – выбирать нам. Авторы монографии призывают к ответственности. Лозунг «люди, будьте бдительны», провозглашенный великим гуманистом Ю. Фучиком, актуален и сегодня: не хочется верить в то, что ИИ, роботизация и цифровизация окажутся для нас «вторым пришествием».

Библиографический список:

1. Восстание машин. Закономерный итог? [Электронный ресурс] // 360.ru. Режим доступа: <https://360.ru/tekst/tehnologii/vosstanie-mashin/> (дата обращения: 28.11.2024).
2. Герасимов Г.И. Уроки истории от искусственного интеллекта [Электронный ресурс] // История.РФ. Режим доступа: <https://histrf.ru/read/articles/uroki-istorii-ot-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 28.11.2024).
3. Градация деградации: ожидает ли генеративный искусственный интеллект вырождение [Электронный ресурс] // Forbes. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/491359-gradacia-degradacii-ozidaet-li-generativnyj-iskusstvennyj-intellekt-vyrozdenie> (дата обращения: 28.11.2024).
4. Делез Ж. Переговоры. 1972-1990. СПб: Наука, 2004. 235 с.
5. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. 784 с.
6. Искусственный интеллект [Электронный ресурс] // Энциклопедический словарь (А.А. Ивин). Режим доступа: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/encyclopedic/articles/511/iskusstvennyj-intellekt.htm> (дата обращения: 28.11.2024).
7. Кржнарник Р. На 100 лет вперед: искусство долгосрочного мышления, или Как человечество научилось думать о будущем. М.: Альпина Паблишер, 2022. 350 с.
8. Ланд Н. Киберготика // Сочинения: в 6 т. Пермь: Гиле Пресс, 2018. Т. 2. 208 с.

9. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/> (дата обращения: 28.11.2024).

10. Социально-технологический дискурс в теориях и практиках цифрового тренда / Н.Г. Багдасарьян [и др.]. М.: Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет), 2022. 167 с.

11. Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Издательство «Весь Мир», 2020. 352 с.

12. Этносфера сегодня: Уэйд Дэвис о том, как исчезают культуры и языки [Электронный ресурс] // Monocler. Режим доступа: <https://monocler.ru/ethnosphere/> (дата обращения: 28.11.2024)

13. McKinsey says «about half» of its employees are using generative AI [Electronic resource] // VentureBeat. Available at: <https://venturebeat.com/ai/mckinsey-says-about-half-of-its-employees-are-using-generative-ai/> (accessed date: 28.11.2024).

14. Shumailov I. The Curse of Recursion: Training on Generated Data Makes Models Forget [Electronic resource] / I. Shumailov, Z. Shumaylov, R. Anderson // arXiv. 2023. Available at: <https://arxiv.org/pdf/2305.17493v2> (accessed date: 28.11.2024).

Shimon I.Ya., Kravchenko A.L. Digital society: robotization or colonization of the future? (Reflections on the monograph «Socio-technological discourse in the theories and practices of the digital trend» / edited by N.G. Bagdasaryan)

The article is devoted to the monograph "Socio-technological discourse in the theories and practices of the digital trend" edited by N.G. Bagdasaryan. The authors examined the features of the development of artificial intelligence, the spread of digitalization and robotization, noted the risks and consequences of their uncontrolled introduction into the processes of social life.

Keywords: digital society, digitalization, artificial intelligence, robotization, neural networks.